

УДК 94(4-015)(=16) "18/19"

**ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА****Р.В. СОЛОВЬЕВ***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Исследуются некоторые особенности развития представлений по вопросу славянской этнической истории в среде ученых Восточной Европы второй половины XIX – начала XX века. Анализируются процессы, тем или иным образом повлиявшие на выбор позиций по этой проблеме авторов рассматриваемого периода, где внимание уделяется процессу «национализации» науки и началу формирования национальных историографий. На фоне общего прогресса в теории и методологии исторической науки отмечается переход от версий о ранних славянах, основанных преимущественно на анализе письменной традиции, к всё более взвешенным концепциям, которые стремятся учесть весь комплекс имеющейся информации. Особое внимание уделено проблеме исторической и лингвистической дифференциации восточных славян в историческом и политическом дискурсе Восточной Европы.

Введение. Проблема происхождения и этнической истории славян на протяжении последних веков регулярно привлекала внимание многих исследователей и входила в сферу интересов нескольких поколений ученых различных эпох. И из-за своей неразрешенности эта проблема остается актуальной и сейчас.

Изучение истории славянства вплоть до 1850-х годов находилось в зачаточном состоянии. Шел интенсивный процесс накопления отдельных фактов. Профессора филологии и истории, другие представители интеллигенции, любители наук, изучая старые летописи и документы по славянскому прошлому, обращали внимание на имевшиеся в них сведения о древних славянах. Особым вниманием пользовались древнеславянский и церковнославянский языки, что стимулировало интерес к другим славянским языкам, их истории и культуре. В некоторой степени рост интереса к славянскому (общеславянскому) прошлому был следствием активной внешней политики России в первой половине XIX века, дополняемого развитием идеологии славянского единства и как продолжением последнего панславизмом.

Уместно привести точку зрения видного русского ученого А.Н. Пыпина, характеризующую предшествующий период. Так, он считал, что в 1830–1850-е годы в условиях отсутствия «настоящей политической жизни» славяноведение было наполнено «мечтательным романтизмом». Затем события в славянских землях поставили славянский вопрос «на реальную политическую почву». Но славянство не входило в «собственные идеальные и практические стремления русского общества», поскольку интерес к славянству не затрагивал насущных «общественных вопросов», стоявших перед Россией; «политическая сторона славянского вопроса была слишком загадочна и далека» и для ее выяснения «всегда недоставало необходимого простора». Поэтому интерес в обществе к славянам возник ситуативно: во время славянского съезда в Москве в 1867 году, в период балканского кризиса 1870-х годов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов – и проходил по окончании вызвавшего его события. Пыпин неоднократно отмечал, что русское общество плохо знало славянский мир и не понимало истинного положения славян, тем более их древней истории [1, с. 300–303].

Основная часть. В рассматриваемый нами период задача установления родственных связей отдельных народов решалась при непосредственном изучении исторических источников. Однако их свидетельства во многом искажали действительную ситуацию, и эти искажения касались именно этнических взаимоотношений. Поэтому проблема родства и происхождения народов должна изучаться комплексно, т.е. с привлечением данных этнографии, археологии, лингвистики и антропологии. С другой стороны, слабая методологическая база этих молодых наук, да и самой истории, не позволяли взглянуть на проблему этногенеза славян шире. Даже анализ информации, извлекаемой из письменных источников, не всегда воспринимался критически, что отнюдь не способствовало прояснению картины ранней славянской истории. Тем самым большинство исследователей, стремясь к научному обоснованию данного вопроса, лишь пересказывали летописи и хроники.

Разбор общих и особенных черт отдельных славянских народов тоже осуществлялся неоднозначно. Признавая факт существования первоначального славянского единства, ученые рассматриваемого периода по-разному определяли время его существования и распада, а также обстоятельства, этот распад обусловившие. Но надо заметить, что в тот период проблема дифференциации славян относилась преимущественно к плоскости лингвистической проблематики. Поэтому на анализе особенностей того или иного славянского языка и строились объяснения обстоятельств распада славянской общности и зарождения отдельных ветвей славянства.

Еще ко времени И. Добровского относятся попытки научного обоснования теории деления славянских языков. Однако первоначально это деление было двухчастным. Выделялись восточнославянская и западнославянская ветви. Языками, производными от первой ветви, являются: русский, старославян-

ский, иллирийский, хорватский и словенский; производными от второй – чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский. Подобной точки зрения придерживались многие представители восточноевропейской историографии вплоть до второй половины XIX века. В частности, известный русский славист, ученик П. Шафарика, Исмаил Иванович Срезневский, читая лекции о славянском мире в Харьковском университете, выделял восточно- и западнославянскую ветвь, дополнительно подразделяя последнюю на так называемые «отрасли» – южную и северную [2]. В своем труде «Мысли об истории русского языка», изложенном Срезневским на годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 года, он высказал свою точку зрения на соотношение и различия языка народного и языка книжного, дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры. Основное же его достижение состояло в том, что он ввел русский язык в сравнительно-историческое изучение славянских языков.

Постепенно шло формирование теории разделения славянских языков на три ветви. Часто авторство этой теории связывают с именем русского филолога Александра Христофоровича Востокова. Хотя большую разработку теория получила в работах его последователей, таких как В. Григорович, А. Будилович [3, с. 43–44].

В частности, значительный вклад в исследование проблемы внесла работа «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях» видного русского ученого-слависта Антона Семеновича Будиловича. В своём исследовании Будилович пытался установить основные лексико-семантические сферы общеславянского языка, относящиеся к верованиям, явлениям природы, занятиям, промыслам, ремеслам, рукоделиям, яствам и питьям, одеждам и украшениям, хозяйственным постройкам и сооружениям, домашней утвари, посуде и снарядам, играм и музыкальным орудиям и т.п. Подчеркивая важность изучения языка в деле реконструкции прошлого славянских народов, он писал: «Мы принимаем при этом не две основные группы славянских наречий..., а три, выделяя по примеру Надеждина и Максимовича русский язык в особый отдел, срединный между диалектическими полярностями славянского запада и юга, хотя и сближающийся больше с последним» [4, с. 10]. Обосновывая необходимость подобного разделения, автор приводит соображения как лингвистического, так и исторического характера. Причем время распада праславянского языка ученый определяет началом нашей эры.

Что касается позиции упомянутого М.А. Максимовича, то свою концепцию становления «южнорусского» языка он выдвинул в конце 1850-х годов в дискуссии с М.П. Погодиным на страницах славянофильского журнала «Русская беседа». Так, Максимович утверждал, что южнорусский и севернорусский языки «родные братья, сыновья одной русской речи», которые еще до татарского нашествия обособились друг от друга [5, с. 84–85; 6, с. 129]. Каждый из этих языков, по его убеждению, включал в себя два наречия: севернорусский – великороссийское и белорусское, а южнорусский – червонорусское и малороссийское (причем именно последнее признавалось наиболее близким к церковно-славянскому языку) [5, с. 127].

Вплоть до второй половины XIX века убежденность в доминирующем значении языка в процессе этнической идентификации начинает претерпевать изменения. Основные группы языков были к 1850-м годам установлены и систематизированы, и теперь главными стали вопросы о степени этнической близости между носителями родственных языков и об их этногенезе. С активизацией этнографических и фольклористических исследований восточных славян в целом на первый план вышла задача создания теории происхождения отдельных славянских народов.

Так, еще в программе изучения русской народности Николая Ивановича Надеждина в этнографической лингвистике обозначено несколько аспектов. Например, он уточнял, что только «язык народа» ... «был, так и останется навсегда – главным залогом и главным признаком народности», также было высказано сужение о необходимости разделения «русского» и «российского» языка как соответственно разговорного и официально литературного вариантов. Под первым Надеждин понимал тот, «которым Русь запросто пробавляется», под вторым – находящийся в официальном употреблении. Кроме того, он настоятельно рекомендовал изучить «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками [7, с. 111–112].

Во второй половине XIX века в антропологических и этнографических классификациях такой важный признак, как язык, отходит на второй план – он уступает свое прежнее главенствующее место антропологическим признакам (как более точным).

Основоположником российской этнографии справедливо считается Н.И. Надеждин, детально работавший предметное поле, методы и программу этнографических исследований, прежде всего отдельных славянских «народов» империи. Определяя характерные черты великороссов как одну из трех «ветвей» единого этноса, Надеждин настаивал на том, что главным способом их выявления должно служить сравнение с малороссами и белорусами по ряду параметров. Попытка сопоставления «географического значения» термина великороссы и его этнографического содержания привело Н.И. Надеждина к выводу о том, что они не соответствуют друг другу, так как Россия населена представителями многочисленных народов и племен, а великороссы населяют и земли за ее пределами. Он полагал также, что именно этнографический смысл понятия (т.е. само слово великороссы) гораздо более употребителен, нежели географический. Именно Надеждин зафиксировал главные отличительные свойства великорусского этноса, хотя под-

черкивал, что его отличия от малороссийского «оттенка» общерусской народности не являются столь значимыми, что позволило бы говорить о том, «будто это не один русский народ, а две отдельные народности» [7, с. 114–116].

Даже этнонимы – наименования «великоросс», «малоросс» и «белорус» – не были самоназваниями, а лингвистика на том этапе все еще не сформировала точных определений и иерархической модели славянских языков, наречий и поднаречий. Дискуссии продолжались вплоть до конца столетия [8, с. 9–11]. Здесь будет уместно обратиться к попыткам решения этой проблемы со стороны известного русского историка и филолога Алексея Александровича Шахматова, который, в частности, дал определение понятиям «язык», «наречия» и «поднаречия», классифицировал их и выстроил иерархическую модель соотношения. Причем делается это ученым с учетом исследований политической и племенной истории этнических групп, а также их племенного и культурного развития. Различия между упомянутыми терминами Шахматов рассматривал как относительные. По его мнению, о наречиях говорят там, где хотя бы противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях – там, где требуется указать, что они как части связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком, и т.д. [9, с. 7–10].

Безусловно, что во взглядах ученых рассматриваемого периода соотношение понятий «русский», «великорусский», «белорусский», «малорусский» и тому подобных могло существенно различаться. Тут следует особо отметить тот факт, что в научных и публицистических работах XIX века и вообще в историко-этнографическом дискурсе имело место употребление этнонимов русский и великорус в качестве синонимов. Зачастую термин «русские» постоянно используется в двух значениях: как наименование восточнославянской группы и как название одной из трех этнографических ее частей, поэтому даже в официальных данных смысл можно определить лишь с помощью контекстуального анализа. Представляется, что это было следствием некоей подсознательной констатации нациеобразующей роли русских и великорусов как одного или различных субъектов процесса формирования «единого русского народа». Тем более становилось важным определение племенных типов трех главных этнических групп «русского народа», где главным предметом спора оказался вопрос о времени и причинах появления различий «единой» русской этнической общности.

Так, например, для В.О. Ключевского и С.М. Соловьева представлялось бесспорным, что малорусское и великорусское племена есть не что иное, как ветви русского народа [10, с. 289; 11, с. 26]. Они видели причины разделения на две «отрасли» в этнографическом отношении, прежде всего, в природных и антропологических факторах – славяно-финской метисации в великорусском регионе и изменившихся географических и исторических условий для переселенцев с юга [10, с. 295].

Важным признаком определения этнической идентичности выступали черты физического облика. Хотя еще до антропологических разысканий была разработана расово-племенная концепция происхождения региональных этнических вариантов русского народа. Была распространена теория, которая объясняла различия трех русских «ветвей» процессом смешивания северо-западных славян с другими этническими группами, которому не подвергалось «южнорусское» или «западнорусское» население, ибо в исторической науке господствовала идея о наследственной передаче специфических этнических признаков, таких как внешний вид, характер этноса и его тип. Хотя сам факт смешения славян с местными этносами не ставился под сомнение, он довольно часто выступал основанием для полемики вокруг интерпретации последствий такого смешения. Как известно, некоторые польские и украинские историки усматривали в этом начале «испорченности» славянского типа, т.е. славянские племена подверглись столь сильному воздействию со стороны финно-угорского этноса, что их европейская составляющая могла быть поставлена под сомнение. Как результат, проблема интерпретации этногенеза отдельных народов стала тесно связанной с проблемой «национальной гордости» и самобытности.

Наличие подобных позиций в литературе было вызвано и чисто теоретическими дискуссиями о факторах, воздействующих на историческое развитие народов. Особенно это было заметно в интерпретациях процессов, происходящих с этносами в тесной связи с изменениями окружающей среды или политического подчинения и утраты независимости, а также в случае ассимиляционных процессов. Некоторые ученые считали, что «от одного изменения среды еще нельзя ожидать изменения и племенного типа, хотя это изменение почувствуется непременно в известных представителях в известной степени» [12, с. 45], и полагали метисацию более значимым видом воздействия на этнические свойства, поскольку она существенно ускоряет вероятные видоизменения этноса.

Несколько альтернативными были воззрения на эту проблему со стороны другого выдающегося историка второй половины XIX века Николая Ивановича Костомарова. В частности, изучая историю в этнонациональном плане, он в своей статье «Две русские народности» (1861 г.) впервые на концептуальном уровне системно осмысливает этнические, этносоциальные и этнокультурные различия между северной и южной ветвями восточных славян. Истоками этих отличий ученый считает времена Киевской Руси [13, с. 5].

Костомаров занимался теоретическим осмыслением «особенности» или даже «отдельности» украинского народа, которое противоречило официальной историографии, признававшей лишь единый русский народ в составе трех племен. Анализируя вопрос «о различии наших русских народностей», он ука-

зывает: «начало этого отличия теряется в глубокой древности, как и вообще распадение Славянского племени на отдельные народы. С тех пор как о Славянах явились известия у греческих писателей, они уже были разделены и стали известны то под общими отдами, то в разнообразии малых ветвей, из которых многие не знаешь куда приютить. Так, по Прокопию, Славянское племя разделяется на две большие ветви: Антов и Славов; по Иордану – на три: Славов, Антов и Венедов. Без сомнения, каждая из больших ветвей дробилась на меньшие... У Константина Порфирородного исчисляются уже разные мелкие ветви Славян. У нашего первоначального летописца отдел собственно Русских Славян изображается раздробленным на несколько ветвей, каждая с отличиями от другой, со своими обычаями и нравами. Без сомнения, между одними из них более взаимного сродства, чем между другими, и таким образом несколько этнографических ветвей начали, в более обобщенном образе своих признаков, представлять одну народность, так же, как и все вместе русско-славянские племена одну общую, Русскую, в отношении других славянских племен на юге» [13, с. 16].

Пытаясь найти признаки существования в племенную эпоху особой южно-русской народности в виде отдельной этнической общности, Костомаров пишет: «Прямо об этом в летописи не говорится; в этом отношении счастливее Белорусская народность, которая, под древним именем Кривичей, обозначается ясно на том пространстве, которое она занимала впоследствии и занимает в настоящее время со своим разделом на западную и восточную. На юге, в древности, упоминаются только народы, и нет для них общего сознательно-одинакового для всех названия. Но чего не договаривает летописец в своем этнографическом очерке, то дополняется самой историей и аналогией древнего этнографического разветвления с существующими в настоящее время» [13, с. 17–18].

В результате рассмотрения исторических процессов Костомаров пришел к выводу, что к XV веку в пределах восточнославянского мира образовались четыре этнотерриториальные общности (народности): Новгород, Московия, Литва (Беларусь) и Русь (Украина). Однако он отмечал, что к XVII веку этническая структура восточнославянского массива приобрела привычную для нас трехчленную структуру: Московия (Россия), Литва (Беларусь) и Русь (Украина). Причем «когда из разных земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русским, и народ его составлявший, усвоил знакомое прежде ему название и от признаков общих перенес его на более местные и частные признаки» [13, с. 19–20].

Стараясь определить принципиальные отличия и свойства малороссов и великороссов, которые сложились в рамках продолжительного и обособленного существования, Костомаров (как и его последователи) определял их в качестве равнозначных этнонациональных единиц на этнографической карте империи. Показательно, что в этом контексте о белорусах и их возможной «равнозначности» уже не писалось.

В этом отношении интерес представляет своеобразное «противостояние» Костомарова с другим участником разысканий в области этнонациональной ситуации в России – Михаилом Осиповичем Кояловичем. Так, в своих статьях Коялович часто предавался рассуждениям о древности белорусов и неосновательности характеристики их как производного от великороссов «племени» («Дети стариков кривичей... не могут быть представляемы юными историческими детьми севернорусского племени») [14, с. 221]. Суть построений Кояловича состояла в отрицании организующего принципа деления на костомаровской карте России: «...или мое разделение русской истории на восточную и западную, или Г. Костомарова, на северную и южную». Как отмечает российский исследователь М.Д. Долбилов: «Если для Костомарова “картографирование” по оси Север – Юг имело прикладное значение, будучи аргументом в пользу украинской самобытности, то для Кояловича это означало подрыв его способа легитимизации самобытности и личности внутри общерусского единства» [14, с. 221]. Обращая внимание на языковые особенности местного восточнославянского населения, Коялович в ответе Костомарову не скупился на резкие слова, относящиеся как к «мове», так и к самому принципу языкового обособления от более широкого сообщества Западной России: «...малороссийской мовы, ... которую стараются создать самым деспотичным образом и с забвением всех общих интересов западной России» [14, с. 222].

С критикой теорий Костомарова выступал также М.Ф. де Пуле. В своей публикации в «Русском вестнике» он настаивал на том, что существует только единый русский язык, в котором в XIII–XIV века начали выделяться сперва великорусское, а затем и малорусское наречия, окончательно сформировавшиеся не ранее начала XVII века и представляющие собой его части. Автор категорически возражал против употребления украинского языка в печати, школе, суде и в церкви [15, с. 211–215, 226–228].

Закключение. Из проведенного исследования видна своеобразная эволюция как взглядов, так и методов в деле изучения отдельных проблем славянской истории на фоне её общей политизации. В частности, наиболее существенным следует признавать попытки всестороннего анализа особенностей формирования отдельных славянских этносов, в том числе находившихся на стадии формирования наций. По-прежнему не было четкой схемы рассмотрения этнической истории во всем многообразии аспектов её затрагивающих, а на имевшие место попытки накладывались бытующие этногосударственные и этнонациональные стереотипы, а также общественно-политическая ситуация в регионе. Тем не менее можно отметить, что дефиниции терминов постепенно стандартизируются, установление исторического фона и лингвистической иерархии славян начинает происходить уже с учетом или на основании

исследований политической и племенной истории этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Следует отметить, что значительного уровня достигли вспомогательные дисциплины: источниковедение, палеография, археография и текстология. Более широкому обмену научной информацией способствовали издания по славистической библиографии. Расширилась тематика и углубилось научное содержание трудов по истории южных и западных славян. Широко использовались и подвергались углубленному критическому анализу источники, в том числе и архивные. Славянофильские тенденции в освещении славянской истории уходят в прошлое, основным направлением становится позитивизм, что проявилось во внимании историков к документам. Тем самым в дореволюционной историографии были намечены основные мотивы для дальнейших разработок славянского дискурса, особенно его лингвистической, этнологической, антропологической и археологической составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыпин, А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии / А.Н. Пыпин // Вестн. Европы. – М., 1889. – Т. V. – С. 257–305.
2. К 200-летию Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/06/15/k_200letiyu_izmaila_ivanovicha_sreznevskogo_18121880/. – Дата доступа: 10.05.2013.
3. Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М.: Алетейя, 2000. – 592 с.
4. Будилович, А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян / А. Будилович. – Киев, 1878–1882. – Ч. I–II. – 246 с.
5. Максимович, М.А. Филологические письма к М.П. Погодину / М.А. Максимович // Русская беседа. – М., 1856. – Кн. 3. – С. 78–139.
6. Погодин, М.П. Ответ на филологические письма М.А. Максимовича / М.П. Погодин // Русская беседа. – М., 1856. – Кн. 4. – С. 124–141.
7. Надеждин, Н.И. Этнографическое изучение народности русской (Часть 1) / Н.И. Надеждин // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 107–117.
8. Седов, В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – М., 1999. – 312 с.
9. Шахматов, А.А. Введение в курс истории русского языка / А.А. Шахматов. – Петроград: Научное дело, 1916. – 146 с.
10. Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский // Собр. соч.: в 9-ти т. – М., 1987. – Т. I. – 430 с.
11. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Соч.: в 18-ти т. – М., 1991. – Т. 13. – 701 с.
12. Ешевский, С.В. Этнографические этюды. Введение в курс всеобщей истории / С.В. Ешевский. – СПб., 1862. – 74 с.
13. Костомаров, Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров. – Киев–Харьков: Майдан, 1991. – 72 с.
14. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
15. Де Пуле, М. К истории украинофильства / М. Де Пуле // Русск. вестн. – М., 1881. – № 3. – С. 210–234.

Поступила 28.06.2013

PROBLEM OF THE ORIGIN AND ETHNIC HISTORY OF SLAVS IN EASTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

R. SALAUYOU

The article is devoted to some peculiarities of the development of ideas of Slavic ethnic history among scientists in Eastern Europe (XIX – early XX centuries), as well as the analysis of processes that affected the choice of positions on this issue. Another side of the problem focused on the process of “nationalization” of history and the beginning of the formation of national historiography. On the base of the overall progress in the theory and methodology of history we can also see the transition from simple versions of the early Slavs history, based primarily on an analysis of the written tradition, to more weighted and detailed concepts that seek to take into account the full range of available information. Special attention was paid to the problem of historical and linguistic differentiation of the Eastern Slavs in the academic and political discourse of Eastern Europe.